

The background is an abstract painting with a textured, canvas-like appearance. It features a central vertical element in shades of yellow and green, resembling a stylized plant or a dreamlike figure. The surrounding areas are composed of soft, blended washes of grey, blue, and white, creating a dreamy and ethereal atmosphere.

Сборник забавных сновидений

Тонкие сны
в стиле фэнтези

Борис Алексеев

Борис Алексеев

Тонкие сны в стиле фэнтези.

Сборник забавных сновидений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33831408

ISBN 9785449090706

Аннотация

Книга «Тонкие сны в стиле фэнтези» предназначена для чтения во сне. Не удивляйтесь! В этом нет ничего особенного. Во время сна с нами происходят удивительные вещи. Так что устраивайтесь поудобнее, можно чуть пригасить большой свет и включить торшер – работа с тонкими текстами требует обстоятельности. Спокойного вам чтения!

Содержание

Крещенская сорокапятиграммовочка	5
Тень Экзюпери над космодромом Геля	12
Всё проходит, пройдёт и это	14
Мальчик-светлячок. Рассказ первый	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Тонкие сны
в стиле фэнтези
Сборник забавных
сновидений**

Борис Алексеев

© Борис Алексеев, 2018

ISBN 978-5-4490-9070-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Крещенская сорокапятиграммовочка

Николаю нравилось играть в перевоплощения. Как только заканчивалась его орбитальная смена, он передавал сменщику распорядительный пульт и спешил в свой одинокий, холостяцкий мирок.

Наскоро перекусив, Николай подсаживался к игровой приставке «Ген гения». Нажатием кнопки Enter the Matrix он транспонировал сознание в 4d-матрицукакого-нибудь древнего сочинителя и до полуночи барабанил по старенькой клавиатуре НР (подарок биологической матери), фантазируя слащавую галиматью а ля Inklings. Ещё ему нравилось перевоплощаться в тОлстого Льва. Пухлые тексты этого «античного писателя средневековья» никто никогда до конца не читал, поэтому можно было безнаказанно дописывать их, скачивая развитие сюжета из игровой приставки «Сочинитель».

Вот и сегодня Николай «сочинял» очередной, кажется, шестой Севастопольский рассказ. Ему нравилось играть в древнюю безобидную войнушку. Улётное фэнтези должно было вот-вот разрешиться по-толстовски торжеством разума и справедливости...

Вдруг незнакомое чувство физического дискомфорта нарушило его приподнятое игровое состояние. Послышались

глухие шорохи за дверью. В этот поздний час на лестничной площадке не могло быть никого, совершенно никого! Шорохи повторились.

Он отложил клавиатуру и на цыпочках подкрался к двери. Приложив ухо к силиконовому уплотнителю, наш герой стал вслушиваться в полуночную тишину лестничного марша.

Внезапно подступило чувство страха. Видимо, испортился чип интеллектуального превосходства над средой, встроенный в его грудную клетку чуть ниже яремной ямки. Страшно подумать, из-за такой малости он оказался один на один... с самим собой! Маленький наивный толстовский Николенька наедине с огромным безжалостным дарвиновским Ником, продуктом высочайшей био-эволюции приматов-каннибалов...

– Ага, попался, дружище! То-то мы тебя сейчас! – пульсировал страх, выколачивая мембраны ушей, как заправские била.

– Успокойся, их нет, они ушли! – где-то рядом звенел, как колокольчик, голос клона-парапсихолога, подаренного Николаю на День рождения виртуальной девочкой Сьюзи. – Подожди, сядь, они ушли, ушли совсем – пиши спокойно!

Голосок клона трепетал наподобие ленточки в волосах Сьюзи. Он явно пытался выманить страх из сердца Николая. Страх маленького технократа перед огромным миром таких же, как он, рациональных, неспособных к сопережива-

нию людей, этаких умников-колумнистов собственной судьбы.

* * *

...В начале 21-го века карты Земли пестрели странным географическим образованием – Россия. И в этом картографическом оазисе происходили странные вещи: когда программа определения цивилизационного индекса считывала перечень природно-географических ресурсов данного фрагмента суши, индекс взлетал вверх и блокировал все варианты на понижение. Но стоило загрузить в начальные условия реальную историческую информацию, тут же включался аварийный блок критического биовыживания.

Все прочие страны программа рассчитывает легко и быстро. И только с Россией она безуспешно возилась сутками, выдавая на-гора ворох противоречивых промежуточных результатов.

В конце концов Генеральному это надоело. Он обратился в лабораторию Времени с просьбой визуализировать контент Российской действительности начала 21-го века.

Надо сказать, визуализация прошлого всегда сопряжена с участием реального человека. Клонированный наблюдатель – неточен. Он не в состоянии совершить полное погружение в прошедшее время. Это легко понять, ведь кло-

ну не могут сниться, например, сны рыбы. Человек не способен воспроизвести на искусственном уровне свой геном. Речь о статусе клона может идти только в сравнительной области.

А вот наблюдать будущее через клонированные объекты – вполне сносно. Будущее – это такая категория метафизики, где предстоящее действие в строгом смысле не является прямым следствием действия совершённого.

Но вернёмся к нашему герою. На должность наблюдателя русской загадки начала 21-го века был назначен именно Николай. Честно говоря, перспектива перемещения во времени Николаю не нравилась. Он только-только по-толстовски расписался. В его голове уже бродил седьмой Севастопольский рассказ. А тут – на тебе, отъезд, хлопоты, наблюдения. Но спорить с начальством – дело бесполезное. «Того гляди, и вовсе сошлют на урановые рудники каким-нибудь оператором прокси-излучения. Уж лучше на недельку в Россию» – решил Николай и стал готовиться к отъезду.

Тут-то и начинается наша история.

К слову сказать, пространственно-временные перемещения предполагают глубокую трансформацию перемещаемого объекта. Риска тут никакого нет. Немного противно: твоё тело сворачивается в некую точку первичного генома и практически мгновенно происходит обратный редукативный про-

цесс. Вот и всё. Одни переносят эту выворотку спокойно, других по прибытии тошнит. Приходится терпеть, не вживлять же ради одной-двух командировок искусственный желудочно-кишечный функционал.

Однако наша история началась с одного непредвиденного обстоятельства. Материализовался Николай (то ли вкралась системная ошибка, то ли ещё что) не в крупном поселении городского типа (ПГТ), как значилось в программе полёта, а в непролазной местности с вертикальными дикорастущими реликтами и с полным отсутствием аэромодульной связи.

«Хорошенькое дело!..» – не успел астронавт произвести первичный анализ ситуации, как прямо на него из огромного сугроба выкатилось бурое и косматое чудовище. Моментально сработало фотореле. Чип, встроенный в нагрудник скафандра, выдал сообщение: «Зоорептилия „Бурый медведь“ (*Ursus arctos*) из Красной книги ныне не существующих видов».

Рептилия угрожающе втянула чёрным пятком носа незнакомый запах будущего и сделала первый неуклюжий, но решительный шаг в сторону пришельца. «Интересно, что хочет это звероподобное существо?» – Николаю захотелось приблизиться к медведю и образовать совместное коммуникативное пространство, но в этот миг раздался гулкий раскатистый хлопок. Снег просыпался между лап ельника, а медведь, истошно рыча и мотая башкой, рухнул в снег.

Николай видел физическую смерть впервые. Он не понял, что произошло, но по затухающей волновой характеристике биополя контрагента догадался, что произошла системная нелепость. Проваливаясь по колено в снегу, он направился к мёртвому зверю. Метрах в десяти от Николая на поляну вышла группа людей с металлическими стержнями в руках. Каждый из этих стержней заканчивался коричневым расширением из неизвестного в будущем материала.

– Эй, мужик, ты чё тут делаешь?! А ежели б не мы?.. – обратился к Николаю, видимо, официальный представитель делегации.

– Я рад на-шей встре-че! – ответил картаво встроенный в Николая онлайн-переводчик.

– Во даёт! – расхохотались члены делегации, – да он иностранец!

– Я – Ни-к-олай, а к-как зовут вас? – переводчик продолжал реализовывать программу начального уровня общения. Мужики переглянулись и стали копошиться в рюкзаках.

– Пей, Нико-лай, нынче праздник Крещенский, грех не выпить! – обратился к астронавту официальный представитель и поднёс стакан осиновой самогонки. – Пей!

От неожиданности Николай забыл переключить начальную программу на следующий концептуальный уровень и доверчиво влил в горло почти двести граммов сорокапятипроцентного напитка для настоящих мужчин. Обалдев, говоря русским языком, от случившегося, Колюня присел

на снег и зажмурился так счастливо, как не жмурился никогда. А если сказать правду, он жмурился первый раз в жизни.

– Ребята! – вздрогнул Николай (было очевидно, что онлайн-переводчик что-то путает), – ребята! Хорошо тут, в России. А эти, блин, ничего про вас не знают!

– Кто эти? – переспросил генеральный.

– А-а, да те, которые потом...

P.S.

...Николай рассеянно вглядывался в белый вордовский лист. Ему припомнился дивный Крещенский денёк, когда его чуть не съел настоящий русский медведь. А не съел потому, что в России в то время проживали добрые (не то, что ныне!) и щедрые люди. «Осиновка» же, которую они пили, была определённо хороша!

– Что с тобой? – участливо спросил крохотный клон-парапсихолог.

– С Крещеньицем! – хитро сощурился Колюня и, попахивая самогонкой, замертво (как тот медведь) повалился на белую накрахмаленную простыню ближайшей территории сна.

Тень Экзюпери над космодромом Гея

«Странное это небо! – подумал Георгий, отслоняя белый, холодный лоб от проталины на вмёрзшем в автобусную обшивку стекле. Салон автобуса в шесть часов утра первого дня Нового года был пуст и прозрачен. Георгий свободно перемещался по рядам и зависал то у одного, то у другого оконного узора.

Наблюдая мир в лобовые проталины, Георгий не заметил, как к нему подошёл небольшого роста человек в серебристом плаще и странных туфлях не по погоде.

– Здравствуйте, – тихо приветствовал незнакомец, – будьте так любезны, скажите, этот аэробус идёт до космодрома Гея?

– Я не знаю, – растерялся Георгий и прибавил: – может, водитель скажет?..

– Водителя нет, мы вдвоём. Поймите, мне срочно нужен космодром! Ну будьте же смелее, представьте его себе, я считаю ваш имэджин и больше ничем Вас не обеспокою, – зататорил непрощеный собеседник, заглядывая Георгию в глаза.

Георгий постарался представить что-нибудь похожее на космодром, но человек нетерпеливо дёргал его за рукав пальто и сбивал с мысли.

– Не можете... – наконец разочарованно пискнул пришелец и отошёл в конец салона.

На первой же после знакомства остановке Георгий пулей вылетел из автобуса, отбежал в сторону и стал внимательно всматриваться в заросшие белой паутиной стёкла с чёрными островами лобовых проталин. Потом он взглянул на рейсовую табличку у задней двери и прочитал: «Маршрут №17, Чистые пруды – м. „Профсоюзная“ – космодром Гея». Георгий протёр глаза – ничего не изменилось. Автобус тронулся. С минуту наш герой стоял неподвижно. Наконец он просто-наконец сквозь зубы – «Уходит же!», и бросился вдогонку за белыми клубами снежной пороши.

Он бежал, примечая, как меняется утреннее небо. Редет вереница облаков, и на глазах растёт огромное холодное Солнце.

Окраина города уступила место неряшливой промзоне. Действительно, за бетонным забором городской свалки показалась радарная башня космодрома Гея.

Всё проходит, пройдёт и это

– Сущий, милосердный Бог (если Ты есть), умоляю, избавь меня от этого ежедневного и однообразного кошмара. Ей-Богу, Господи, нету больше моих сил — изо дня в день фабриковать рутинные отчёты и с надуманным восторгом фальсифицировать очередные случившиеся вокруг меня мелочи. На этой глянцевой планете Укх не происходит ничего, достойного пера профессионального астроирика. Пять с половиной лет меня учили постигать науку бытия через его разнообразие. И что теперь? Стоило ли лететь за тридевять земель, чтобы каждое утро, наблюдая вторжение неизвестных науке биоорганизмов, сломя голову бежать к компьютеру и, как Храбрый портняжка, выстукивать на клавиатуре литеры про очередную армаду молекулярных пришельцев? Конечно, я бы мог просто наговорить текст на вордовский борзописец и избавить себя от непосильного стенографического труда, но эти молекулярные сволочи, кажется, испортили всю фиксирующую аппаратуру.

И такую ежедневную (простите за исторический слоган) хрень я должен описывать в подробностях, выявляя характерные особенности и периодичность амплитудных повторений. Ещё пара отчётов – и я умру от нежелания быть среди всего этого!

Молекулярные ремейки – это ещё ладно. А вчера что?

Вбегает ко мне орнитолог Пашка Дергачёв. Орнитолог, он чем должен заниматься? Ну да, изучать физиологию укховских растопырок, их морфологию, распространение по скальным территориям, а он что? Влетел, как... (нет, не буду портить запись) и с порога кричит: «Стикс (это меня зовут Стикс), Укх сходит с орбиты!». Я ему: «Хватит болтать!». А он смотрит на меня в упор: «Ты чего, – говорит, – не слышишь? Укх сходит с ор-би-ты!» – «Ладно, – отвечаю я, – диктую свои идиотские отклонения».

Каково, нет, каково терпеть всё это! А что Ему скажешь? Это я про нашего Ароныча Великого. Вот уж с повезло с руководством, так повезло!

Стикс небрежно потёр руки.

– А ведь я подавал надежды и мог стать приличным историонавтом, а не этой канцелярской авторучкой. Эх, попадись мне другая экзопланета! Не эта периферийная Укха, а, скажем, Глизе 876 d. Уж там бы, на Глизке, наверняка оказалось что-нибудь, достойное моего историографического внимания. Красные карлики – вообще моя личная тема с четвёртого курса Планетологии. Я б расщёлкал этого пунцового недотёпу – мама не горюй!

Стикс накинул лёгкий прогулочный скафандр и вышел на смотровую площадку станции. Повсюду, куда хватало взгляда, кипела сосредоточенная работа астронавтов.

Он недовольно поморщился.

Дело в том, что ЦУПом с Земли была поставлена зада-

ча: провести полный геологический анализ планетарной корки за три месяца. Соответственно, срок жизнеобеспечения личного состава колонии был рассчитан с учётом этой сумасшедшей директивы. Недовольны были все, кроме Ароныча. Этот великий путешественник (кстати, поговаривают, что Ароныч – пра-пра-правнук знаменитого русского Фёдора, кажется, Конюхова), так вот, этот потомственный «рисковАн» готов был ежедневно подставляться ради бла-бла-бла! Просто молодец. Одно обидно: наши никчемные жизни напрямую зависят от Его драгоценной биографии – прямее не бывает. И никто об этом не думает! Но ведь должен же кто-то об этом думать!

«Нет, на этой планете толку не жди», – резюмировал Стикс и повернул было обратно, как вдруг в километре от станции в плотной подошве облаков, экранирующих планету, сверкнула фиолетовая вспышка. Через пару секунд огромный летательный аппарат пробуравил нижние слои небесной газовой «наледы» и бесшумно опустился на поверхность Укха, настолько бесшумно, что не все колонисты, занятые раскопками, обратили на это внимание.

Стикс с восторгом смотрел на посадочный модуль, и в его голове, как набат, звучал призыв к долгожданной радости: «Смена! Смена!». Вернувшись к компьютеру, он сбросил скафандр и стал лихорадочно дописывать последнюю «фактологию» про эти долбанные укховские изменения орбиты. «Всё, всё! – веселилось его угрюмое сердце. – Сейчас при-

дёт смена, я сдам дела – и!..» В голову лезли разнообразные романтические продолжения собственной космической биографии.

Действительно, не прошло и получаса, как раздался вежливый стук в дверь и на пороге «материализовался» худенький молодой человек в огромных очках и с острым, как у бледной растопырки, клювом, простите, носом.

– Здравствуйте, – глотая звуки, произнёс юноша, – меня назначили вашим преемником. Меня зовут Гройсман, Владимир Гройсман. Мой генофонд закарпатского происхождения, но, в принципе, я всё адекватно понимаю. Рад познакомиться.

Стикс решил для солидности выдержать паузу, причём каждая секунда задержки давалась ему с невероятным трудом. Его просто распирало от желания подхватить сопляка Гройсмана и задушить в своих гостеприимных объятиях. И он бы наверняка задушил его, если бы не самообладание, выработанное за месяцы каторжного стенографического безразличия.

– Здравствуйте, Владимир, – чинно, будто отплёвывая звуки, начал Стикс, – не будем тратить время на разговоры, приступим!

Стикс указал новобранцу на место рядом с собой и развернул компьютерную картинку на экран большого монитора:

– Для начала должен вас предупредить об исторической ответственности вашей будущей работы. Планетарная система звезды Глизе 876 d, открытая в далёком 1998 году, не предполагала дополнительных фрагментов, кроме первоначальных четырёх (d, c, b, e) и ещё четырёх экзопланет, обнаруженных в 2014 году. Девятая, так сказать, невидимая планета Укх была открыта всего двадцать лет назад. Она же и является наиболее перспективной для изучения в связи с наличием биологической жизни. Однако...

Тут Стикс сделал ещё одну, на этот раз высокомерную паузу и продолжил:

– Однако должен вас огорчить, коллега: всё происходящее на планете Укх не стоит и толики того пиетета, с которым твердят о ней историографические умы на Земле. Уверяю, вам через неделю покажутся наискучнейшими «невероятные» события, которыми изобилует ежедневно поверхность этой вздорной планеты!

На слове «наискучнейшими» Стикс осёкся и понял, что невольно проговорился. А вдруг этот молодой гарный хлопец скажет: «Да пошли вы все!» – и отправится восвояси! Кто тогда примет руль истории? Стикс бросил тревожный взгляд на Гройсмана, но тот сидел, сверкая глазами и потирая вспотевшие от волнения руки, будто не слышал последних слов своего наставника.

– А скажите, вы пользуетесь лабораторией для подтвер-

ждения статистической погрешности сводной таблицы результатов?

Стикс поймал на себе влюблённый взгляд юного Владимира и чуть не расхохотался. Дело в том, что полтора месяца назад он грубо, вплоть до неприличия, разругался с бортовым компьютером станционной лаборатории и закрыл файл новостного журнала непозволительной командой *Et cetera*. По факту он демонстративно «хлопнул дверью». И теперь думать о каком-либо контакте с пульсарами обиженной лабы было для него делом предсказуемо невозможным.

– Видите ли, юноша, – Стикс скатал губы в трубочку наподобие поцелуя, – не так важна точность симптоматики, как её принципиальная, так сказать, качественная сторона.

– А меня учили...

– Забудьте! Забудьте ровным счётом всё, чему вас учили на расстоянии пятнадцати световых лет от того места, где мы сейчас с вами разговариваем. Единственный шанс вернуться на Землю у каждого здесь присутствующего – это перестать быть алчным наукоёмким землянином. Здесь даже время другое! Его циклические периоды выстраиваются в унисон с биоритмами сердца. Но у каждого из нас временной резонанс свой. Вы понимаете? Каждому из нас на Укхе положено своё время! Поэтому в день, намеченный к отъезду, не все колонисты окажутся в единой, указанной заранее шестиразмерной точке пространства. Надеюсь, вам давеча сказали пару слов о двух дополнительных «местных» координатах. Да-

да, Владимир, добро пожаловать в парадокс Смейла!

Юный Гройсман слушал Стикса затаив дыхание. Всё, сказанное наставником, он воспринимал как дивную романтическую сказку. Самый молодой в отряде астронавтов (принятый в отряд, честно говоря, по благу), истерзанный за пятнадцатилетнее странствие к планете Укх мифологическими сиренами незрелых научных ожиданий, Владимир, казалось, потерял от восторга дар речи. «Вот оно, настоящее!» – пульсировала кровь в височных капиллярах юного романтика.

Стикс с улыбкой смотрел на дрожащие пальцы Гройсмана и думал: «Как он будет набивать эту ежедневную хрень? Ну да ладно, привыкнет, успокоится. Говорят же: всё проходит, пройдёт и это...»

Мальчик-светлячок.

Рассказ первый

Поздним вечером Исидор Валентинович сидел на лавочке возле памятника Грибоедову и набивал очередной рассказ про...

Жил Исидор в Орехово-Борисово, в уютной однокомнатной квартире. Однако дома ему писалось невнимательно. Гул соседей за стенкой. Постоянный вопросительный взгляд чёрного зрачка огромного плазменного телевизора – «Ты зачем меня купил?» Холодильник, который его старенькая мама любила заполнять на случай «непредвиденных обстоятельств» по самое не могу. Ну, и конечно, барный шкафчик в гостиной. Всё это, если говорить по существу, мешало сосредоточиться, а главное, удерживать в возвышенном напряжении писательскую интуицию, скользкую, как ориентир, впереди пера.

Исидор любил нырнуть в метро и через полчаса присесть на лавочку где-нибудь среди московской толчеи. Рассеянно оглядывая происходящее вокруг, он вынимал из рюкзака ноут и с удовольствием спортсмена, выполняющего трудное упражнение, принуждал сознание не реагировать на явления окружающей жизни. Это, казалось бы, простое наси-

лие над собой выполнить было совсем не просто! Окружающая действительность беспокоила глаза, забиралась в нос, влетала в уши и даже умудрялась коснуться кончика языка, обволакивая полость рта каким-то противным сладковатым привкусом. Когда же, цокая на каблучках по асфальтовой дорожке, мимо пробегали очаровательные женские ножки, стройные, как две соломки, и нежные, как только что пойманная рыбка, тогда Исидору приходилось включать максимальную сосредоточенность ума и способность к самоконтролю!

В такие минуты он часами сидел на лавочке, концентрировал энергию на подушечках пальцев и терпеливо ждал, когда они начнут подрагивать в такт его умственным рассуждениям. Наконец ему удавалось сконцентрировать сознание на кончиках фаланг. Тогда наш герой включал ноутбук и начинал расходовать бесценную зарядку аккумулятора.

И теперь, вглядываясь в белый вордовский лист, Исидор вязко, на ощупь нашёптывал первые строки нового сочинения. Очень многое зависит от первоначального образа. Дежурное перечисление деталей, таких, например, как одежда главного героя, особенность погоды или времени суток, безусловно, необходимо. Но Исидор не был бытописателем. Его беспокойная натура искала во всём смысловой и образный подтекст. Манера работать попеременно то одним, то другим полушарием и в то же время обливает мысли и чувства

тёплой кровью сочинительства, поневоле заставляла Исидора концентрировать внимание исключительно на главном.

Помнится, жил в начале XX-го века шведский художник Цорн. Писал он картины ловко, размашисто. Приехал Цорн как-то в Москву и немало удивил москвичей своей фееричной техникой письма.

Попросил его один московский меценат написать портрет. Цорн согласился. Часу не прошло, портрет был готов. Смотрит меценат и диву даётся: эка мазисто да казисто вышел он на портрете. Присмотрелся повнимательнее – а пуговиц-то на кителе нет, не нарисованы. Спрашивает он Цорна: «Господин художник, а что ж вы мне пуговицы не нарисовали?». Тот хмурится и отвечает: «Пуговицы? На пуговицы зовите портного. Моё дело писать, а не пуговицы пришивать!» Так и сказал.

Исидор Валентинович размашисто стряхнул с кисти на сенсорную панель ноутбука начальную строфу сочинения:

«Антоний, сверкая латами, бросился на врага. Рыхлая масса вражеского войска, как косяк сардин, расступилась и, похрустывая доспехами, сомкнулась над его головой. В темноте Антоний ощущал только скольжение своего боевого меча и тёплое прикосновение рассечённой плоти. Соперники теснили друг друга к обрыву. Вдруг конь героя провалился

в сардиновую топь, ища и не находя опоры. Антоний пошатнулся в седле. Вслед за роем вражеских тел он стал вместе с конём оседать в пропасть...»

– Ты же промокнешь! – услышал Исидор детский голосок. Голос звучал неподалёку и был обращён явно к нему.

Писатель оглянулся. Рядом никого не было, если не считать мелких капель дождя, летящих откуда-то сверху.

– И ноутбук твой испортится! Жалко же! – голос настоятельно требовал сосредоточиться на общении.

– Ты кто? – спросил Исидор, разглядывая дождик.

– Я? Как тебе сказать, я... Слушай, пойдём куда-нибудь под крышу. Ты промок, простудишься. И ноутбук твой тоже. Мне будет жалко потерять такого рассказчика.

– Так ты...

– Не спеши! Ты опять спешишь. Знаешь, однажды я говорил с одним очень торопливым человеком. Мы даже заспорили. Он всё твердил: «Смысл скорости в наибольшем познании!». А я ему отвечаю: «Предположим, ты пробежал сто метров, я за то же самое время прошёл всего два-три метра. Почему ты считаешь, что мне довелось увидеть и узнать меньше тебя?» – «Ну как же, – отвечает он, – ты же не видел то многое, что пробежал я!» – «Да, – отвечаю я, – не видел. Но и ты, пробегая, не заметил многое из того, что приметил я, идущий неспешно. И кто из нас узнал больше – это вопрос!». Он подумал-подумал и говорит: «Наверное, ты прав». И ушёл. А потом вдруг подбегает, хватая меня сво-

ими длинными ручищами и кричит в ухо: «Спасибо! Благодаря тебе я перестал думать только о количествах. Оказывается, количество – это не всё! Совсем не всё!..». И убежал. А ведь я хотел рассказать ему ещё много полезных вещей. Но он опять поторопился.

– Ты говоришь странно. По голосу тебе лет двенадцать, а рассуждаешь, как заправский мудрец!

– И ты спешишь. Для тебя двенадцать лет это что-то маленькое, как вспышка. Нет, цифра двенадцать – это много! Бог создал мир всего за неделю. Прикинь, сколько диалектики разместилось во мне за двенадцать лет!

– Кто же ты? – Исидор забыл про дождь и промокший компьютер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.